* * *

Ну так что мне сказать вам? Голова
полна несказанного, как размовленье, плова.
Солнце праздника сядет. Фанфары гремят неплохо.
Но, конечно, это не я верчу жернова
Востока и Запада. Впрочем же, реал политик
двух величин сама не знает причин.
Фанфары, родные. В политике ты паралитик,
в экономике – стоик. Терпила среди дурачин.

Но сейчас не об этом, а до какого места
падает тень разлуки меня со мной.
Да какого чёрта. Однажды кулак сомнёт
кулебяку жидкого, как размовленье, теста,
и сквозь пальцы полезет остаток сухой науки.
В перекрытых дворах, быть может, пахнёт жильём.
Не протянем ноги, значит, протянем друг другу руки.
Переживём.

* * *

После моих стенаний и страха. После
пролитого вина, вокзала возле.
После – молодости. До – решенья
взглядом прямым молчанье к губам пришей мне.

В тёмной воде, в реке, на плывучей сени,
лебеди в чёрном двухмерные сводят тени
с тенью моста, чей замысел тонкий познан...
Что-то подсдал я. Видимо, буду послан

в будущее. Нести на дрожащих лапах
ревность кавказскую, счастье, испанский запах,
голос – звонок тибетский, дыша. И слева
впитывать грудью твое винтовое небо.

КАПИТАН

Готье, Бодлеру и т.д.

Без мыла не влезешь в это сито.
Партия нарко звучит разбито.
Партия будней – тоже порно.
Партия альта всегда бесспорна.

Но струны всё крепче, струны звонче,
и пусть говорят обо мне: «да вон чё»,
я – броненосец, кобель, паскуда.
Но струны вот эти во мне откуда?

Партия моря, орган, жестоко.
Но в полдень глядит остриё флагштока...
Но – красота того, что верю.
Но мой капитан взошёл на рею.

Верить – так реять. Камзол – так розов.
Но мой капитан не стрелял в альбатросов,
но в море распишется только гений,
только десятком своих крушений.

Море без альта – слеза без соли.
Мой капитан исполняет соло.
Я вас не слышу! Я только внемлю.
Но мы и вдвоём отыщем землю.

ЖЮЛЬЕТТЕ ДРУЭ

Я хочу быть тебе верным другом…
ничего не требующим, как ушедший
из жизни человек…
(из письма Виктору Гюго)

«…Миленький мой! Мой миленький!
Чувствуешь ты? Осилим мы,
бездну твою, сомнение,
прозу твою и пение…

Помни и знай наверное:
всюду с тобой я первая –
тень ли твоя? молчание?
или строка начальная?..

Ждут поезда и пристани.
Мой небожитель истовый,
мы возвратимся, вырвемся!
Стань за плечо – от выстрела…

… В гулкой земле (уютно ли?),
в разных с тобой каютах, мы
вдаль поплывем… Да здравствует
эта любовь и Франция!..

Сердце моё – твой градусник.
Хочешь – разбей от радости.
Миленький мой! Мой миленький,
письма храни…»

– как вынесла
она железную поступь памятника –
пяту Виктора Гюго?

* * *

Мы вновь ощущаем привычное жжение.
Суть наших занятий сложна: поддержание
режима, в котором своё отражение
рождает в нас ржание.

Так жжётся режим поддержания радости,
всё портят лишь слёзы – по-детски солёненьки.
Мы эгоцентричные мыльные радужки
на срезе соломинки.

НА РОЖДЕСТВО

И – рассинело. Вечность прошла,
белую тишь сотворя.
Не запирая, пойду до угла
словно до января.

Скотчем прилажу фиалку души
к дереву (держи, ствол!),
а ты, ты, маленькая, дыши,
впитывай Рождество.

Эхо, ветвистое эхо двора
стой, помолчим всласть –
пробке шампанского сердца пора
грохнуть, лететь, упасть.

Грохнет, докатится… Отхлебну.
Господи, всё хорошо!
Дай я фиалку назад заверну
в шарфик свой… и – пошёл.

Все мы когда-нибудь станем нежней
на острие лет
и на расшатанных шпалах дней
сможем найти след,

не спотыкаясь – пойдём от угла,
просто из января,
чтоб рассинело – и вечность прошла,
белую тишь сотворя.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Ты знаешь, вот эта синеватая тень под глазами
ручается: уже хоть что-то, но смыслишь в жизни…
И поздно жадничать: отвечать в смс «я занят»,
делать вид, что ещё есть в жизни хоть кто-то лишний.

В одиночестве нашем хватает турецких курортов.
Громогласного смеха, что цепью тоски обуздан.
И не знаешь, куда донести свой затратный остов,
неужели – только не смейся – в у-богий Суздаль?

Купюры в твоих карманах – то слёзы Бога.
Чем больше – тем горше, по самым последним меркам.
А может быть – в зону? Не в зону ль ведёт дорога,
в конце которой Он ждёт тебя, исковеркан?

Не бойся, не страшно. Теперь торжество осознанья
нас делает тише, послушней, светлей и выше.
В окошке есть плац, намокло на тросе знамя.
И чувствуешь кожей, как лебеди ходят по крыше…

Не мы отдышались навзничь, то она отдышалась:
на замерших лицах исправленные скрижали
теплятся… Милая, молодость просто шалость –
пухом проходит в кольцо оренбургской шали.

А бессмертие пахнет кофе, скрипит диваном
и монеткой гулкой катится прямо к щели.
Понимая всё это, становишься просто пьяным,
окунаешься в нежность, полную, как прощение.

* * *

Когда уходит друг – останови,
не стой в дверях подобьем истукана.
Быть может, он хотел твоей любви,
а может, просто чаю полстакана,
а может быть, ответа на вопрос,
как дальше жить, когда так одиноки
мечты людей... А может, друг твой нёс
мерцанье «Я» на сгорбленной треноге
обычных плеч под курткою... И вот
он этим «Я» мгновенно поперхнулся –
уходит он, как пёс, втянув живот,
в карманах сжав непринуждённость пульса,
и думает, от слов твоих прозрев,
и думает, дыхание глотая:
«Наверно, я задел какой-то нерв,
чуть обнажённый... Истина простая
лежит в необходимости звонка,
звонка: он предварительная ласка...
Как дальше жить?.. Как все... Теперь опаска
меж нас как лёд сентябрьский тонка...»
И он не обернется – от стыда
за вас обоих и за эти мысли,
за то, что нет тропиночки туда,
откуда родом души ваши вышли,
за то, что вот – расстёгнутый, понёс,
за то, что всё же хочет обернуться,
за камень твой, за эту качку слёз,
застлавших так, что как бы не споткнуться...
Чего стоишь ты, дерево? Нельзя
уже позвать и некогда обуться.
В отличие от времени, друзья –
(беги как есть!) они могли б вернуться.
И только помни, помни этот взгляд,
не экономь в объятьях неумелых!
Ведь так же только Небо, говорят,
хотело б нас встречать в своих пределах.

СОЛНЫШКО

Когда всё кончится победой,
а может громкою ничьей,
и буду я лежать, блистая
улыбкой выпитой бутыли,
ты наклонись и мне поведай,
сжимая пальцами плечо:
– Ау, герой! Ты что не видишь –
деревья в панике застыли!..

Пусть поцелуй закроет небо,
чтоб небо снова стало шире,
чтоб с места тронулись деревья
и воспарили облака.
Каким чутьем ты знаешь недра
и знаешь всё о горьком мире,
и почему так пахнет мёдом
твоя прохладная рука?

Откинешь волосы и сумку,
раздвинешь бред унылых штор,
поправишь сутолокой туфель
начало мартовской капели.
И словно детскому рисунку,
я буду верить с этих пор,
что жизнь – как солнышко в шампанском,
всё ждёт, чтоб мы о ней запели...

* * *

Беги отсюда. Здесь живёт беда.
В глуши домов, стоящих на печали,
журчит по трубам ржавая вода,
а все иные речи отжурчали.

И вообще – куда ни посмотри,
бугрит обои иней острозубый.
Здесь пахнут псиной гулкие внутри
на смертный час умноженные судьбы.

Ты не поможешь. Слишком мало средств
есть в кошельке, чтоб выполнить затею.
Беги отсюда. Водка – это крест,
а крест чужой тебе сломает шею.

На пол скрипучий падали слова,
ты на здоровье выпил раз двенадцать.
Настала полночь. Свесилась глава.
Туши бычок, не надо извиняться.

Экзамен самой гадкой из наук
придётся сдать как светлое стремленье.
Сам по себе и город не паук –
паук в нём тот, кому он дан в кормленье.

Все города – все как одна беда,
крест равнодушья, алчности и фальши.
Так нашей жизни тухлая вода
питает всё, что будет с нами дальше.

При чем тут нефть, когда большой народ
давным-давно своей не стоит нефти?
Паук спокоен, зная наперёд:
народ и Бог всегда уходят вместе.

Под знаком «Сызрань» падать и лежать
ноздрями вверх – на запах керосина.
Беги отсюда? Некуда бежать.
Хоть не твоя, а все-таки – Россия.

* * *

Так ищет милостыни ветер,
в усталом рубище дождя.
Они пришли. Чем мы ответим,
со сцены медленно сходя?

Какая искра занозила –
не погаси, не уничтожь?
Откуда в них такая сила?
Откуда в них такая ложь?

Они проходят как цунами
уже вторую сотню лет.
И всё, что было именами,
отпело в скрипе их штиблет.

Они костями похрустели,
они в молельне и в постели...
Но мы не слышим этот хряск
среди предательства и дрязг!

Да, я почти уже в кутузке.
Но вот последнее прости:
есть только солидарность русских,
и лишь она могла б спасти.

Она должна быть личным делом,
должна быть псом сторожевым…
А впрочем нет – душой и телом
для всех, кто числится живым.

Самарская обл.